

На правах рукописи

Плеханов Артемий Александрович

**Инструментализация истории в политике нацистроительства Украины в
постсоветский период**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2018

Работа выполнена в Центре этнополитических исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН.

Научный руководитель: доктор исторических наук, академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН

Тишков Валерий Александрович.

Официальные оппоненты:

Малинова Ольга Юрьевна доктор философских наук, профессор департамента политической науки Факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

Солопова Оксана Вячеславовна кандидат исторических наук, доцент, заместитель по учебной работе заведующего кафедрой истории стран ближнего зарубежья Исторического факультета МГУ.

Ведущая организация: Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН).

Защита состоится 28 июня 2018 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д.002.117.01. по защите докторских и кандидатских диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте этнологии и антропологии РАН по адресу: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН www.iea-ras.ru.

Автореферат диссертации разослан _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор исторических наук

Данилко Елена Сергеевна

Актуальность темы исследования. Манипулирование памятью о прошлом, преподавание истории, создание символов и способы их воплощения были и остаются местом борьбы политических сил. Данные темы занимают особое место в процессе формирования наций, в рамках которого представления о прошлом играют ключевую роль. Они выступают обоснованием величия наций — символами сплочения разрозненных множеств социальных групп в единый народ и придают легитимность политическим элитам и их политике. Как отмечает В. А. Тишков, такое инструментальное использование прошлого является особенностью современной исторической культуры, для которой основными критериями отношения к истории являются возможность манипулирования ею в собственных интересах, полезность в качестве компонента нациестроительства или переосмысления национальной идентичности¹.

Подобное отношение к истории характерно и для политики государств, образовавшихся после распада СССР. Украина в данном случае не является исключением. Более того, в постсоветский период использование истории в качестве инструмента реализации своих интересов стало важнейшим элементом не только национального строительства, но и публичной политики. Начиная с периода перестройки, формируются новые национализированные образы исторических событий, героев и недругов, создавая новые ориентиры, которые в дальнейшем станут мощными рычагами мобилизации политической энергии². Таким образом, прошлое существует в ситуации непрерывной политической борьбы, являясь ресурсом, за монополию над которым сражаются разные политические силы. Изучение инструментализации истории дает возможность понимания современных этнополитических процессов, феноменов национализма и нациестроительства.

В тоже время искаженные представления о политике в отношении национального прошлого на Украине привели к неадекватному пониманию

¹ Тишков В. А. Новая историческая культура. — М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2011. — С. 16.

² Национализм в мировой истории / Под ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. — М.: Наука, 2007. — С. 11.

происходящих в стране процессов. Ярким примером того стали события 2014 г. на востоке Украины. В ходе конфликта противоборствующие стороны использовали различные мифологемы, связанные с историческим прошлым, для обеспечения поддержки и оправдания своих действий, что привело в конечном итоге к кровопролитию и множеству жертв с обеих сторон.

Степень научной разработанности темы. Проблематика исследований памяти и политического использования истории как области научного знания является междисциплинарной и изучается в рамках разных дисциплин социальных и гуманитарных наук. Этот вопрос исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Среди зарубежных специалистов следует отметить работы А. Ассман, Я. Ассмана, У. Блекера, Б. Зелицера, Я. Зерубавель, Х. Кёнига, П. Коннертона, Д. Лоуэнталья, А. Лангеноля, Дж. У. Лоуэна, Л. А. Мосионжника, П. Нора, Дж. Олика, П. Рикёра, Р. Суни, С. Требста, М. Ферро, М. Хальбвакса, П. Хаттона, А. Эткинды, а также ряда других исследователей³.

Отечественные исследователи работают в рамках разных социальных и гуманитарных дисциплин, среди историков следует выделить исследования А. И. Борозняка, А. И. Миллера, Н. Е. Копосова, Л. П. Репиной, И. М. Савельевой,

³ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.; Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 368 с.; Blacker U. Living among the Ghosts of Others: Urban Postmemory in Eastern Europe // *Memory and Theory in Eastern Europe*. — New York: Palgrave Macmillan, 2013. — P. 173–193; Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей*. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 10–29; Zelizer B. Reading the Past against the Grain: The Shape of Memory Studies // *Critical Studies in Mass Communication*. — 1995. — №2. — Vol.12. — P. 214–239; Кёниг Х. Будущее прошлого: Национал-социализм в политическом сознании ФРГ — М.: РОССПЭН, 2012. — 164 с.; Коннертон П. Як суспільства пам'ятають. — Київ: Ніка-Центр, 2004. — 184 с.; Лангеноль А. Общественная память после смены строя: сходства и различия между практиками памяти в посткоммунистических и постколониальных странах // *Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей*. — М.: Новое издательство, 2011. — С. 115–141; Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 624 с.; Loewen J.W. Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong. — New York: The New Press, 1995. — 383 p.; Мосионжник Л. А. Технология исторического мифа. — СПб.: Нестор-История, 2012. — 416 с.; Нора П. Франция — память. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — 328 с.; Olick J. K. The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. — New York: Routledge, 2007 — 229 pp.; Рикёр П. М. Память, история, забвение. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. — 728 с.; Suny R. G. The revenge of the past: nationalism, revolution, and the collapse of the Soviet Union. — Stanford: Stanford University Press, 1993. — 200 pp.; Troebst S. Erinnerungskultur — Kulturgeschichte — Geschichtsregion. Ostmitteleuropa in Europa. — Stuttgart: Steiner, 2013. — 440 s.; Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. — М.: Книжный клуб 36.6, 2010. — 480 с.; Хальбвакс М. Социальные рамки памяти — М.: Новое издательство, 2007. — 348 с.; Хаттон П. Х. История как искусство памяти. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 424 с.; Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.

А. В. Полетаева, П. М. Поляна⁴. Среди специалистов в сфере этнологии и социально-культурной антропологии необходимо отметить работы А. В. Буганова, В. С. Малахова, И. А. Снежковой, В. А. Тишкова, Е. И. Филипповой, В. А. Шнирельмана⁵. В рамках политической науки данная тема рассматривалась В. А. Ачкасовым, Д. В. Борозняком, А. А. Журухиной, В. Н. Ефремовой, С. В. Козловым, О. Ю. Малиновой⁶. В русле социологического направления исследований находятся работы Л. Д. Гудкова, Б. В. Дубина, Е. Ю. Рождественской⁷.

Отдельно хочется отметить украинских исследователей, поднимавших вопросы политического использования истории и памяти — Г. В. Касьянова, А. М. Киридон, В. В. Кравченко, С. Н. Плохийя, А. В. Портнова М. Ю. Рябчука, В. В. Середа, В. Ф. Солдатенко, П. П. Толочко, Н. М. Яковенко⁸. Данная тематика

⁴ Борозняк А. И. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. — М.: РОССПЭН, 2014. — 352 с.; Васильев А. Г. Memory Studies: единство парадигмы — многообразие объектов // Новое литературное обозрение. — 2012. — №5(117). — С. 461–480; Миллер А. И. Россия: власть и история // Pro et Contra. — 2009. — №3–4. — С. 6–23; Копосов Н. Е. Память строгого режима: История и политика в России. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 320 с.; Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. — 2004. — №5. — С. 39–52; Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 456 с.; Полян П. М. Историомор, или Трепанация памяти: битвы за правду о ГУЛАГе, депортации, войне и Холокосте. — М.: АСТ, 2016. — 624 с.

⁵ Буганов А. В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX — начала XX в.: Историко-этнографическое исследование — М.: Принципиум, 2013. — 296 с.; Малахов В. С. Национализм как политическая идеология. — М.: Книжный дом «Университет», 2010. — 318 с.; Снежкова И. А. Формирование этнических представлений украинских и русских школьников // Социологические исследования. — 2004. — № 11. — С. 83–89; Тишков В. А. Новая историческая культура. — М.: Изд-во МГОУ, 2011. — 60 с.; Филиппова Е. И., Филиппов В. Р. Скованные одной цепью. Память о рабстве и национальная история Франции // Новое литературное обозрение. — 2016. — № 6(142). — С. 110–128.; Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье — М.: «Академкнига», 2003. — 592 с.

⁶ Ачкасов В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве политики памяти // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2012. — Вып. 1. — С. 126–148; Березняков Д. В., Козлов С. В. Символическая политика постсоветской Украины: конструирование легитимирующего нарратива // Полис. Политические исследования. — 2015. — №4. — С. 34–45; Ефремова В. Н. Государственные праздники как инструменты символической политики: Возможности теоретического описания // Символическая политика. — М.: ИНИОН РАН, 2014. — Вып. 2. — С. 66–79; Журухина А. А. Политизация истории на постсоветском пространстве (на примере украинских учебников истории) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. — 2010. — №1(44). — С. 180–192; Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. — М.: РОССПЭН, 2015. — 207 с.

⁷ Гудков Л. Д. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас — 2005. — №2–3(40–41). — С. 46–57; Дубин Б. В. Память, война, память о войне. Конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отечественные записки. — 2008. — № 4(43). — С. 6–21; Rozhdestvenskaya E.Yu. The Space of Memory in Afghanistan War Museum // Collective Memories in War. — London: Routledge, Taylor & Francis Ltd, 2016. — P. 85–98.

⁸ История Украины. VI–XXI вв. / Под общей ред. П. П. Толочко. — Киев; М.: «Киевская Русь»; Кучково поле, 2018. — 472 с.; Касьянов Г. В. Danse macabre: голод 1932–1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті — початок 2000-х). — Київ: Наш час, 2010. — 271 с.; Киридон А. М. Гетеротопії пам'яті: Теоретико-

также является неотъемлемой частью исследований национального строительства и национализма. Среди зарубежных и отечественных ученых, чьи работы посвящены украинскому национализму, следует выделить Р. Дж. Армстронга, Я. И. Грицака, В. Б. Евтуха, Т. Ю. Журженко, П. Колсто, Т. Кузьо, В. М. Кулыка, О. Дж. Мотыля, П. А. Рудлинга, Дж. Смита, А. Е. Финько, Дж.-П. Химку, А. В. Шеховцова⁹.

Объектом данного исследования является феномен инструментализации истории в постсоветской Украине.

Предметом исследования являются социальные практики, политический язык, институты, политические силы, включенные в процесс инструментализации истории.

Целью исследования является комплексный анализ феномена инструментализации истории в ходе национального строительства в постсоветской Украине, обусловленного историческими, политическими и этнокультурными процессами.

методологічні проблеми студій пам'яті. — Київ: Ніка-Центр, 2016. — 320 с.; Кравченко В. В. Бой с тенью: советское прошлое в исторической памяти современного украинского общества // *Ab imperio*. — 2004. — №2. — С. 329–367; Плохий С. М. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. — Київ: Laurus, 2013. — 440 с.; Портнов А. В. Історії для домашнього вжитку. Есеї про польсько-російсько-український трикутник пам'яті. — Київ: Критика, 2013. — 344 с.; Середа В. В. Исторический дискурс и национальное прошлое в официальных речах Президентов Украины и России // *Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации*. — Киев: Институт социологии НАН Украины; Институт социологии РАН, 2007. — С. 69–96; Солдатенко В. Ф. Національна пам'ять (ресурси та наголоси): збірник наукових праць. — Київ: ДП «НВЦ «Пріоритети»», 2016. — 304 с.; Яковенко Н. М. Вступ до історії. — Київ: Критика, 2007. — 376 с.

⁹ Армстронг Дж. Украинский национализм. Факты и исследования — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 368 с.; Грицак Я. И. Страсті за націоналізмом. Стара історія на новий лад. — Київ: Критика, 2011. — 350 с.; Євтух В. Б. Центри етнічної проблематики. — Київ: Інтерсервіс, 2014. — 253 с.; Журженко Т. Ю. Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства – Вильнюс: ЕГУ, 2008. — 256 с.; Kolstø P. Political construction sites: Nation-building in Russia and the post-Soviet States. — Boulder, Colorado: Westview press, 2000. — 320 pp.; Kuzio T. Radical Nationalist Parties and Movements in Contemporary Ukraine before and after Independence. *The Right and its Politics, 1989–1994 // Nationalities Papers*. — 1997. — № 2. — P. 211–242; Кулык В. М. Национализм в Украине. 1986–1996 гг. // *Национализм в поздней и посткоммунистической Европе. Т.2*. — М.: РОССПЭН, 2010. — С. 101–127; Motyl A.J. The turn to the right: the ideological origins and development of Ukrainian nationalism, 1919–1929. — New York: Boulder, 1980 — 212 pp.; Smith J. Red Nations: The Nationalities Experience In And After The USSR. — Cambridge: University Press, 2013. — 412 pp.; Rudling A. Multiculturalism, Memory, and Ritualization: Ukrainian Nationalist Monuments in Edmonton, Alberta // *Nationalities Papers*. — 2011. — Vol. 39. — №5. — P. 733–768.; Финько А. Е. Мультикультурализм и его оппоненты: правые силы в политической системе Украины // *Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики*. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 282–381; Химка І.-П. Воєнні злочини: біла пляма у колективній пам'яті північноамериканської української діаспори // *Україна модерна*. — 2006. — Ч.10. — С. 95–106; Умланд А., Шеховцов А. Праворадикальная партийная политика в постсоветской Украине и загадка электоральной маргинальности украинских ультранационалистов в 1994–2009 гг. // *Ab Imperio*. — 2010. — № 2. — С. 219–249.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи** исследования:

1. Рассмотреть историографию вопроса, теоретические подходы к изучению инструментализации истории и особенности этого процесса на территории Украины.

2. Изучить представления о национальном прошлом в политическом языке украинского правящего класса.

3. Проанализировать этапы, методы и модели разрушения советского символического господства.

4. Рассмотреть динамику изменения календаря государственных праздников постсоветской Украины.

5. Проанализировать основные тенденции инструментализации истории в сфере образования и культуры.

6. Изучить формирование национального пантеона героев Украины.

7. Рассмотреть положение и место радикального украинского национализма в политической системе Украины.

8. Изучить структурные компоненты исторического мифа радикального украинского национализма.

Хронологические и географические рамки работы. Диссертационное исследование охватывает постсоветский период существования украинского государства. Территориально исследование обусловлено границами Украины, сложившимися после 1991 г. При этом исключаются неконтролируемые украинским правительством после 2014 г. территории непризнанных республик ДНР и ЛНР, а также полуостров Крым, ввиду того, что процессы и особенности инструментализации истории на данных территориях являются особыми предметами изучения (*sui generis*), заслуживающими отдельного исследования и описания.

Источниковая база исследования. Работа опирается на эмпирическую базу, включающую в себя несколько видов источников. Во-первых, это

официальные нормативно-правовые акты украинского государства: декларация государственного суверенитета Украины, Конституция Украины, законы и подзаконные акты, постановления парламента, указы президентов и иные законодательные акты. Во-вторых, документы, не имеющие законодательного статуса: уставные документы, программы, заявления органов власти, а так же политических партий, общественных и государственных организаций. В-третьих, материалы печатных и электронных СМИ, информация страниц социальных сетей, данные из блогов «Livejournal» и подобного рода сервисов. Данные веб-сайтов движений, партий, общественных и государственных организаций.

Наконец, важный источник – это материалы полевой работы (интервью, фото-, видео- и печатные материалы), которые были собраны в ходе экспедиции 2017 г. в четырех населенных пунктах: г. Киев, г. Кропивницкий (бывший Кировоград), г. Харьков и г. Черновцы. Всего в ходе полевой работы было проинтервьюировано 66 человек. В числе интервьюируемых были представители сферы культуры, науки и образования Украины, своей работой влияющие на представления об истории в украинском обществе, а также информанты, работающие в иных областях и лишь воспринимающие то, как преподносятся история и память.

В качестве материала для анализа отношения к истории и историческим личностям были использованы данные социологических исследований, проведенных Социологической группой «Рейтинг», Институтом социологии НАН Украины, Research & Branding Group, Украинским центром экономических и политических исследований им. Олександра Разумкова, фондом «Демократические инициативы», социологической службой «Ukrainian Sociology Service».

Методы, логика и методическая база исследования. Диссертационное исследование исходит из теоретической рамки конструктивистского подхода к нации и этничности и в целом научной традиции социального конструктивизма в

этнологии и социологи¹⁰. Исследования политического использования памяти неразрывно связаны с этим направлением, так как ряд его основателей, таких как Б. Андерсон, П. Бергер и Т. Лукман, Э. Гелнер, Э. Хобсбаум и другие, поставили вопрос о социальной обусловленности и сконструированности феноменов нации, традиции, этничности и месте прошлого, как конституирующего элемента в этом процессе¹¹.

Анализ высказываний украинских политиков опирался на подход Кембриджской школы истории понятий Дж. Покока и К. Скиннера, в рамках которой язык рассматривался и как средство коммуникации, и как политическое действие, связанное с автором текста и поставленными перед ним целями. Для анализа использования понятий и терминов был применен подход, существующий в рамках немецкой научной традиции «истории понятий» (Begriffsgeschichte). Основным тезисом данного подхода является переход от исследований, оторванных от исторического контекста идей и понятий, к их изучению в конкретном культурном, историческом, социально-экономическом контексте¹².

Специфика подходов и исследовательских задач обусловила потребность в привлечении прежде всего методов этнологии, а также методов исторических и социологических дисциплин. Среди них:

- Методы анализа законодательства, нормативно-правовой базы, статистических данных социологических исследований и вторичный анализ социологических опросов;
- Метод включенного наблюдения в ходе поездок на Украину (23–30.11.2015; 19.05.–28.06.2017);
- Методы глубинного и полуструктурированного интервью;

¹⁰ Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — С. 157; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — С. 45–50.

¹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. — 323 с.; Э. Геллнер. Нации и национализм. — М.: Прогресс, 1991. — 320 с; Eric Hobsbawm, Terence Ranger The Invention of Tradition. — Cambridge: CUP, 1983. — 327 p.

¹² Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история менталитета. — М.: Новое литературное обозрение, 2010. — С. 22–23.

- Контент-анализ официальных речей политиков Украины, публицистической, идеологической, научно-популярной и учебной литературы, социальных сетей и др.;

- Вторичный анализ статистических данных социологических исследований.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в анализе и описании общих тенденций инструментализации истории за постсоветский период в различных аспектах данной темы, показывающих динамику политики государства в отношении прошлого и ее восприятие в украинском обществе. А именно: изобретение традиций, формирование новых праздников, складывание национального пантеона, бытование системы образования, нациестроительство и национализм, влияние правого радикализма на государственную политику в отношении прошлого. Было проанализировано сложившееся в украинском обществе восприятие истории, представление о роли и положении государства в данной сфере. В научный оборот вводятся материалы интервью, собранные в ходе экспедиции 2017 г. Особо отметим, что полевое исследование проведено в сложное время изменения политики государства в отношении символов прошлого и реакции общества на эту политику.

Практическая значимость работы. Содержание данного диссертационного исследования, полевые материалы и выводы могут быть использованы при написании научных работ (монографий, статей, учебных пособий, аналитических докладов), посвященных исследованиям исторической политики, национализма, новейшей истории Украины. Успешная реализация программ поддержки соотечественников за рубежом, объективный рассказ в СМИ о ситуации на Украине, создание эффективных инструментов культурной дипломатии, формирование научных центров невозможны без преодоления стереотипов и мифов об истории и о положении памяти на Украине. Понимание представлений украинского общества о своем прошлом и отношении к действиям государства по этому поводу также необходимо для предупреждения ошибок в

сфере политики памяти в многоэтничных государствах. Описание феномена инструментализации истории в постсоветской Украине открывает перспективу для сравнительного анализа и аналогичной работы в отношении других стран Восточной Европы.

Научные положения, выносимые на защиту.

1. Политический язык властвующих элит, пережив за постсоветский период ряд изменений, демонстрирует борьбу в политическом пространстве двух исторических нарративов об истории Украины: националистического и советско-ностальгического. Обращение к истории обуславливается необходимостью собственной легитимации после выборов, кризисных явлений, экстраординарных событий. Понятие «нация» оказывается проблематичным и семантически нагруженным, уступая в политическом языке терминам «украинский народ» и «граждане».

2. Сосуществование в публичных пространствах населенных пунктов символов независимой Украины и советского культурного наследия закончилось смысловым перенаполнением последнего и началом его тотального уничтожения. Советское наследие было маркировано как форма присутствия России в роли врага внутри страны. После 2013 г. символы советского прошлого подверглись разрушению, символической национализации либо коммеморации в качестве «тоталитарного искусства».

3. Общие тенденции политизации исторического нарратива в сфере образования обусловлены разработкой курса истории Украины еще в советский период, при этом само украинское историческое образование несет в себе характерные черты, связанные с традициями советского историописания, националистической историографии конца XIX — середины XX вв. и особенностями рассказа об истории эпохи модерна (modernity).

4. Происходит отказ от советских традиций государственных праздников и переход к формированию новых традиций коммеморации и памятования, развитию украинской гражданской религии, связанной с «мифом о

Голодоморе». По отношению к разным праздникам реализуется несколько основных стратегий их символического обоснования, забвения или замещения, общим замыслом которых является изгнание «советского» и его замена на новое национализированное содержание.

5. В течение постсоветского периода растет позитивное отношение к историческим личностям из числа националистического пантеона героев и происходит постепенное забвение героев, связанных с Россией и СССР. Причинами сложившегося положения стали региональная дифференциация исторической памяти, политика героизации ОУН–УПА, военный конфликт на востоке Украины. Сложилась ситуация, при которой каждая историческая фигура прошлого уже распределена между политическими лагерями. Отношение граждан Украины к тем или иным историческим фигурам воспринимается как нечто большее, чем отношение к истории, являясь актом политической идентификации в настоящем.

6. За постсоветский период радикальный украинский национализм пережил заметные изменения, пройдя путь от правых крыльев в национально-демократических партиях и региональных организациях до самостоятельной всеукраинской политической силы. Ультраправые партии и движения серьезно повлияли на отношение к истории политических элит, государственных институтов, а также на государственный патриотизм, сместив его курс вправо и сделав более похожим на украинский этнонационализм с его специфическими шаблонами отношения ко всему, связанному с Россией. Фактически к 2015 г. повестка радикального национализма, связанная с регулированием памяти о прошлом на законодательном уровне, была в полной мере выполнена властями Украины через ряд т.н. «мемориальных законов».

7. Исторический миф радикального украинского национализма характеризуется эклектичностью, дискурсивными практиками культурного расизма, перенесением политических принципов и идеологических установок радикального национализма на прошлые исторические эпохи. В качестве образа «золотого века» Украины был избран период Киевской Руси. Данное

государственное образование представляется идеалом государственного устройства, ему присваиваются характеристики сильного, авторитарного, влиятельного на международной арене государства. Таким образом, представители радикального национализма проецируют свои политические взгляды на прошлое, обращаясь к потенциальным сторонникам в настоящем.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования и результаты полевых работ были представлены в статьях, а также изложены в тезисах и докладах, подготовленных в рамках российских и международных и научных конференций: «Этнокультурное развитие регионов: молодежный взгляд» (1–3.12.2015 — Москва), «Векторы развития современной России. Гуманизм vs. Постгуманизм» (22–23.04.2016 — Москва), IX Всероссийской Ассамблеи молодых политологов (26–27.09.2016 — Пермь), «Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности» (14–15.04.2017 — Санкт-Петербург), «Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания» (20–22.04.2017 — Москва), «Антропология времени» (6–7.03.2017 — Москва), «Ломоносов-2017» (10.04.2017 — Москва), «XVII Международной школы-конференции «Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии» (4–10.05.2017 — Переславль-Залесский), «XII конгресса этнографов и антропологов России» (3–6.07.2017 — Ижевск), «Проблемы идентичности в контексте мирового опыта» (12–14.12.2017 — Москва); «Фольклористика и культурная антропология сегодня» (6–7.03.2018 — Москва).

Часть исследования была выполнена в рамках проекта «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» (грант РФФИ № 15-18-00099, научный руководитель д.и.н. Е. И. Филиппова).

Структура работы обусловлена целью и задачами диссертационного исследования. Данная работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка

источников и литературы. **Во введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, рассматривается степень научной разработанности темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи исследования, обосновываются хронологические и территориальные рамки работы. Обозначается научная новизна исследования, дается характеристика источниковой базы, излагаются выносимые на защиту положения, теоретико-практическая значимость работы, а также сведения об апробации результатов работы.

В первой главе — «Использование инструментализации истории в государственной политике» рассматриваются теоретические подходы к проблеме исследования, выделяются основные этапы политики украинского государства по отношению к прошлому, анализируется репрезентация прошлого в политическом языке украинской элиты и демонтаж советского символического наследия. **В первом параграфе «Феномен инструментализации истории»** рассматриваются историография вопроса, подходы к изучению инструментализации истории и особенности этого процесса на территории Украины. Под инструментализацией истории понимается особая конфигурация методов, практикуемых общественными и политическими акторами, общим для которых является использование в собственных интересах административных, финансовых и других ресурсов в сфере истории и политики памяти¹³.

Было выделено шесть этапов инструментализации истории в постсоветский период. I этап (вторая половина 1980-х — 1991 гг.) характеризуется критикой советской историографии, формированием структуры курса истории Украины, созданием инфраструктуры и законодательного обеспечения преподавания истории Украины школах и вузах. В этот период история используется оппозиционными политиками для обоснования необходимости увеличения полномочий в будущем союзном государстве, а более радикальными — для

¹³ Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе в XXI веке // Историческая политика в XXI веке. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — С. 18–19.

обоснования права на независимость от СССР. Для II этапа (1991–1994 гг.) характерно активное использование истории в рамках процессов активного национального и государственного строительства. Выстраивается символическая связь между новоприобретенной украинской государственностью и государственным опытом УНР начала XX в., признавая при этом правопреемство УССР. Особенностью III этапа (1994–2004 гг.) является некоторое падение интереса общества и политических элит к теме истории, связанное с экономическим кризисом переходного периода. Несмотря на провозглашенную многовекторность во внешней политике, Л. Д. Кучма осторожно, но планомерно институционализирует историческую политику предыдущего периода.

IV этап (2005–2010 гг.) связан с новым интересом к инструментализации истории и обращением к арсеналу возможностей исторической политики. В этот период ключевыми темами государственной политики стали «миф о Голодоморе» и героизация членов ОУН-УПА. В 2006 г. создается Украинский институт национальной памяти (УИНП), который стал ключевым инструментом государственной политики в сфере истории. V этап (2010–2014 гг.) характеризуется реакционным отношением к предыдущему периоду, происходит отказ от позиционирования голода 1932-1933 гг., как геноцида украинской этнонации и героизации ОУН-УПА. В этот период сложилась ситуация одновременного сосуществования во власти разных видений прошлого. Подобный плюрализм существовал не как пространство диалога, а как замкнутые в себе и агрессивные исторические нарративы, сосуществующие лишь потому, что не могут уничтожить конкурента.

VI этап (2014 г. — н.в.) начинается после событий Евромайдана и государственного переворота. На этом этапе происходит усиление обращения к инструментам исторической политики. УИНП инициируется принятие в апреле 2015 г. так называемых «мемориальных законов», посвященных правовому регулированию прошлого — осуждению СССР как коммунистического тоталитарного режима, деконструкции версии рассказа о Великой Отечественной

войне в пользу нарратива Второй мировой, открытию архивов, приравниванию членов ООН–УПА к военнослужащим Красной армии, уничтожению символов советского прошлого и в целом коммунистической идеологии.

Во втором параграфе *«Репрезентация прошлого в политическом языке Украины»* рассматривается использование исторических тем в посланиях президентов Украины Верховной Раде. Вместе с тем анализируется смысловая трансформация понятия «нация» в постсоветский период. Данный термин является одним из ключевых для анализа представлений о прошлом ввиду того, что в зависимости от его наполнения меняются особенности рассказа о прошлом.

В общем числе упоминаний прошлого в посланиях президентов Украины Верховной Раде наибольшее число — 30% (здесь и дальше от общего числа упоминаний истории) — занимают ссылки на историю постсоветского периода. На втором месте – обращение к истории Украины без привязки к конкретному периоду — 26%. Следом идут советский период — 15% и история Украины в досоветский и межвоенный периоды — 13%. В рамках посланий президентов Украины сложилась закономерность: если в первом послании каждого президентского срока всегда присутствует максимальное число отсылок к истории, затем следует уменьшение числа упоминаний, и их число вновь возрастает в последний год президентства. Подобная ситуация демонстрирует тенденцию необходимости легитимации своего права на власть в начале президентского срока и использования истории как аргументации к удержанию властных полномочий.

Увеличение частоты обращения к истории и употребления понятия «нация», тесно связано с ситуациями, когда элиты оказываются неспособны решить накопившиеся противоречия, и вынуждены обращаться к мнению граждан. Это ситуации выборов, кризисных явлений, экстраординарных событий, когда обращение к истории и нации является способом легитимировать «революционные» изменения. Понятие нации за последние двадцать лет в политическом языке значительно изменило свое содержание. Если в первых

посланиях Л. Д. Кучмы и В. А. Ющенко оно использовалось по большей части в значении этнонации, то в посланиях В. Ф. Януковича и П. А. Порошенко нация представляется как гражданское сообщество, а также в значении страны, государства.

В третьем параграфе «Разрушение советского исторического нарратива и пространства его символического господства» проанализированы этапы, методы и модели разрушения советского символической гегемонии. Выделены несколько основных этапов активной замены и уничтожения советских символов. Первый этап начинается в конце перестройки как стихийная декоммунизация снизу. От местных советов исходят инициативы по смене названий и демонтажу памятников. К началу – середине 90-х гг., данный процесс замедляется ввиду смены повестки дня на более актуальные и насущные проблемы, связанные с государственным строительством, кризисными явлениями переходного периода и болезненными экономическими реформами, вызвавшими падение уровня жизни в стране. Второй этап активной борьбы с советским наследием начинается после событий «оранжевой революции» и победы на президентских выборах В. А. Ющенко. Данный период характеризуется частичной декоммунизацией, связанной с выстраиванием образа Украины как нации-жертвы вокруг событий голода 1932–1933 гг., подаваемых как геноцид украинской этнонации. На данном этапе принимается законодательная база, вводящая в легальное поле уничтожение символов советской эпохи, которая будет применена новым украинским правительством после событий Евромайдана и государственного переворота. Третий этап связан с событиями политического кризиса 2013–2014 гг., а также конфликтом на востоке Украины, которые привели к массовому уничтожению символов советского прошлого. Дискурсивные практики об этих событиях изменили смысловое наполнение объектов, отождествляющихся с «советским». Подобные символы стали интерпретироваться, с одной стороны, как маркеры присутствия «чужого» в стране, в роли которого выступает Россия, с другой – как объекты, ставящие под сомнение существование независимой Украины и

украинской идентичности. Инструментом этой политики стал возрожденный УИИП, который инициировал принятие закона о запрете советской символики и взял на себя функцию информационной поддержки и координации исполнения данного решения. Декоммунизация на данном этапе, как составную часть, вобрала в себя дерусификацию, законодательно не обязательную, но реализуемую спонтанно в рамках общего отказа от «колониального наследия».

Во второй главе — «Воспроизводство и восприятие элементов украинского исторического нарратива в социальных практиках» исследуется инструментализация истории через систему образования, государственных праздников и культа национальных героев. **В первом параграфе «Инструментализация истории в сфере образования»** рассмотрены особенности исторического образования Украины, а также отношение общества к институту образования и преподаванию истории. Политизация исторического знания обусловлена событиями периода перестройки, когда сформировалась основная структура современного украинского исторического нарратива, вобравшего в себя ряд характерных черт, присущих рассказу о прошлом в эпоху модерна (modernity), националистической украинской историографии, советской традиции историописания. Система управления образованием и культурными индустриями унаследовала институциональные черты советской системы, в которой государство продолжает использовать директивные методы управления. Однако если в Советском Союзе партийно-государственные органы осуществляли пристальный контроль за содержанием образования и продуктами культурных индустрий, то в постсоветский период государство уходит из этих сфер, избавляясь от функции идеологического цензора и оптимизируя расходы на отрасли культуры и образования. Ухудшение финансирования и ослабление идеологического контроля приводят к усилению самостоятельности отдельных игроков культурной и образовательной политики, которые реализуют свое представление об истории, функции истории и памяти. Ситуация историографической травмы советского периода, усиления националистических

тенденций в историописании, использования истории в школе как метода политической индоктринации породили общее предубеждение к исторической науке как к дисциплине конъюнктурной и к историкам как к профессиональным редакторам прошлого, переписывающим историю согласно запросам сегодняшнего дня.

Второй параграф «*Формирование календаря государственных праздников и памятных дат*» посвящен динамике изменения календаря государственных праздников Украины. За постсоветский период можно выделить два неравных этапа отношения государства и общества к государственным праздникам. Первый из них длился с 1991 по 2013 гг., когда, при сохранении большинства советских праздников, появляется ряд новых праздников и памятных дат, конституирующих независимость постсоветской Украины. При этом ритуалистика и смысловое значение части праздников, возникших после распада СССР, оказываются непроработанными и ещё находящимися в поиске оформления ритуалов и социальных практик, позволяющих состояться этим дням как государственным праздникам и памятным дням. Особую роль в календаре новых праздников и памятных дат играет День памяти жертв голодоморов, в рамках которого голод 1932–1933 г. конституируется как геноцид украинской этнонации.

Второй этап начинается в 2014 г., когда происходят изъятие ряда советских праздников из общегосударственного пользования и переход практик их празднования на уровень семейной, локальной, региональной памяти. Всего можно выделить четыре основные модели работы с календарем праздников, формирующиеся после 2013 г. Во-первых, советские праздники вытесняются путем учреждения новых государственных праздников в календарной близости от них. Таким образом, советский опыт государственной политики в сфере праздников и замена религиозных праздников на светские памятные дни был применен к советской же традиции. Вторая модель связана с сохранением праздников, но их временной коррекцией, ввиду чего возникают новые смысловые тропы, как это случилось с Днем защитника Украины, перенесённым

на 14 октября. Третья модель обуславливает замену смыслового наполнения праздника и придания ему новых смыслов, как это произошло с Днем соборности Украины, четвертая связана с забвением памятных дат, отсылающих к советскому прошлому, как это случилось с 7 ноября.

В третьем параграфе *«Национальный пантеон героев: проблемы формирования и динамика»* анализируются тенденции формирования национального пантеона героев Украины и отношения общества к историческим личностям, связанным с Украиной. В течение постсоветского периода происходит рост известности и популярности исторических личностей из числа националистического пантеона героев. Причиной подобного положения стали региональная дифференциация коллективной памяти, активно проводимая в период президентства В. А. Ющенко героизация ОУН–УПА, военный конфликт на востоке Украины. Вместе с тем, с одной стороны, происходит забвение героев, связанных с советским прошлым и Россией, с другой – их символическая национализация. Из числа героев советского нарратива перенимаются такие исторические фигуры, как Тарас Шевченко, Леся Украинка, Богдан Хмельницкий, которые используются в качестве символов независимости страны, при этом передается забвению проблематика угнетенного положения социальных групп и классов, ключевая для советской историографии. В СМИ происходят демонизация и дегуманизация образа России и личностей, представляющих общее прошлое России и Украины. Складывается ситуация, при которой каждая историческая фигура уже распределена между политическими лагерями, и выбор информантов той или иной исторической личности, как значимой в истории Украины, превращается в акт политической идентификации. Вместе с тем в обществе формируется запрос на нейтральных героев, связанных с культурой, наукой, образованием, примиряющих, а не раскалывающих общество.

В третьей главе — *«Радикальный украинский национализм и инструментализация прошлого»* исследуется положение радикального украинского национализма в политической системе страны, а также

анализируются характерные особенности и структурные компоненты его исторического мифа. **В первом параграфе** *«Государство, элиты и радикальный национализм»* рассматривается история понятия «радикализм», отечественные и западные подходы к определению феномена радикального национализма, исследуется положение украинского национализма в политической истории постсоветского периода. Начиная с 1994 по 2012 гг. и после 2014 г. ни одной ультранационалистической партии не удавалось набрать минимальное количество голосов для того, чтобы быть представленной в парламенте. Несмотря на это, начиная с выборов 1994 г. радикальные националисты получали свое представительство путем победы в одномандатных округах. Ряд ультраправых деятелей и партий также избирался по спискам правящих правоцентристских партий. Ключевая причина электоральной слабости ультраправых обусловлена тем, что их повестка и риторика были заимствованы и воплощены в жизнь основными политическими силами страны и, как следствие, их идеи стали государственной политикой. Так, повестка радикального украинского национализма, заключающаяся в требованиях запрета коммунистической идеологии, героизации ОУН–УПА, исторической политики на тему голода 1932–1933 гг., была реализована в период президентства В. А. Ющенко и П. А. Порошенко. При этом часть радикальных националистов после событий «оранжевой революции» и Евромайдана были кооптированы в государственные структуры. В такой политической конфигурации радикальным националистам отводилась роль уличной поддержки, субкультурного или регионального движения, но никак не серьезной политической силы.

Первоначально базирующийся на специфических элементах западноукраинского национализма, которые основываются на идейном наследии идеологов ОУН–УПА и авторов украинской эмиграции, национализм изменился и получил возможность действовать за пределами западных областей за счет вооруженного конфликта и радикализации общества. Это движение серьезным образом повлияло на украинский государственный патриотизм в части его

радикализации и усиления антироссийских настроений. Можно сделать вывод, что в терминах Р. Грифина программы украинских радикальных националистов нацелены на создание этнократического либерального порядка для этнических украинцев и нелиберального антигуманного режима для всех «других», в число которых попадают люди, чья идентичность сформирована как русская или советская.

Во втором параграфе *«Исторический миф праворадикального национализма»* изучены компоненты и типологические черты исторического мифа, продуцируемого представителями радикального украинского национализма. Исторический миф радикального национализма берет свои корни в работах украинских националистов межвоенного периода. В данном мифе воспроизводится идея непрерывности украинской государственности и нации, несмотря на её прерывность в историческом континууме. Особенностью рассказа о прошлом является удревление истории вплоть до трипольской культуры и государства скифов. Этот исторический нарратив характеризуется агрессивностью по отношению к близлежащим соседям украинского народа, в том числе подводит основу для дегуманизации русских как народа, приписывая ему имманентные качества, с одной стороны, неполноценного, рабского и слабого сообщества, с другой — поработителей и эксплуататоров непокорного, великого, но обманываемого и предаваемого украинского народа.

Ещё одной чертой является формирование «золотого века» на основе образа Киевской Руси, на который радикальные националисты проецируют свои политические взгляды и требования. Киевская Русь представляется как авторитарная, милитаризованная империя, которой противопоставляется сложившийся на Украине слабый и зависимый от внешних игроков политический режим. Исторический миф содержит в себе убежденность в деградации украинской нации и государства, обусловленной русским колониальным господством, потерей государственности, духовной деградацией народа, неработающими общественными институтами. Культурный расизм вместе с

этноцентризмом и эссенциализацией психологических различий также являются характерными чертами исторического мифа радикальных националистов.

В заключении формулируются основные положения диссертационной работы. В постсоветский период нельзя говорить о едином и непротиворечивом направлении в инструментализации истории. Важную роль играет институт президента страны, заметно влияющий на проводимую линию исторической политики. Позиция президентов Украины по данному вопросу большую часть постсоветского периода строилась в зависимости от складывающейся политической ситуации, когда было необходимо балансировать между право-популистскими и советско-ностальгическими силами. Вместе с тем после 2014 г. наступил коренной перелом в политике государства по отношению к истории, когда один из противоборствующих исторических нарративов – советско-ностальгический – фактически оказался под запретом. Следует отметить общее для большинства информантов ощущение раскола и нарушения целостности украинского общества, радикальной поляризации мнений, чувства разобщенности. Все это вкупе с постсоветским феноменом недоверия к профессиональной исторической науке, преподаванию истории, а также поиском внутренних врагов (в том числе в прошлом) приводит к раздраженности общества. Вместе с тем альтернатива проводимой политике в настоящий момент находится вне легального и легитимного политического высказывания.

Список опубликованных автором работ по исследуемой теме.

Публикации в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Плеханов А. А. Российские элиты и политическое использование истории в постсоветский период // Вестник российской нации – 2016. – №4. – С. 245-249.

2. Плеханов А. А. Национальное строительство и историческая политика в дискурсе посланий президентов Украины в период 1996-2016 гг. // Вестник российской нации. – 2016. – №6. – С. 216-231.

3. Плеханов А. А. Непроработанное прошлое и работа памяти // Вестник российской нации. – 2017. – №4. – С. 223-228.

В других изданиях:

1. Плеханов А. А. «Велесова книга», символическая власть и система образования в современной Украине // Фальсификации и ошибки в фольклористике и культурной антропологии: сб. тезисов и материалов XVII Международной школы-конференции / сост.: А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев, Н. Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2017. — С. 14–18.

2. Плеханов А. А. «Новые» и «старые» праздники в украинской политике памяти после 2014 года // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых 20–22 апреля 2017 года / под общ. ред. М. Г. Пугачевой — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 20–29.

3. Плеханов А.А. Историческая политика в государственном дискурсе Украины в постсоветский период // Вестник Пермского научного центра УрО РАН — 2016. — №5. — С. 68–77.

4. Плеханов А. А. Национальный пантеон героев Украины: динамика и актуальное состояние // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А. Е. Загребин, М. Ю. Мартынова. — Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. — С. 451.

5. Плеханов А. А. Понятие «нация» в дискурсе посланий президентов Украины Верховной раде в 1996–2016 гг. // Полиэтнический мир Евразии:

проблемы взаимовосприятия: Сборник статей / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. — Ижевск, 2016. — С. 154–170.

6. Плеханов А. А. Пять книг о «политике памяти» // Всеукраїнський соціологічний часопис «СВОЄ». — 2016. — №1–2. — С. 60–69.

7. Плеханов А. А. Украинская декоммунизация: борьба за символическое господство // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности: материалы одиннадцатой международной конференции студентов и аспирантов (14–15 апреля 2017 года, Санкт-Петербург). — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — С. 131–138.

8. Плеханов А. А., Кутявин Н. А. Категории времени в праворадикальных националистических дискурсах России и Украины // Антропология времени: сб. тезисов конференции молодых ученых. — М.: РГГУ, 2017. — С. 82–85.